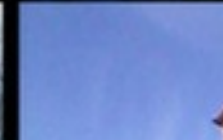
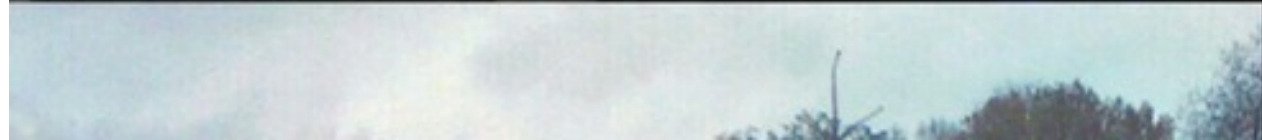

РАШИД КУШАЕВ

В свободную Европу!

ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА
ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Рашид Кушаев

В свободную Европу!

«Издательские решения»

Кушаев Р.

Р. Кушаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747532-1

Справедливость — это не то, что придумал Путин или Страсбургский суд. Справедливость — это категория, не подвластная временно великим кесарям и преториям. Справедливость, попранная в отношении А. Кушаева, — всегда будет попранной справедливостью. (Рашид Кушаев для «Новой газеты»)

ISBN 978-5-44-747532-1

© Кушаев Р.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Тотальная дискриминация	8
Глава 2. За правдой в Страсбург...	11
Алма-Ата	11
Челябинск	13
Казань	16
Москва	19
Санкт-Петербург	21
К новым горизонтам	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В свободную Европу!
исповедь беженца из Узбекистана
Рашид Кушаев

© Рашид Кушаев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

То, что происходило в Узбекистане за последние двадцать пять лет (1991—2016 г.г.) иначе как «фашизмом дикарей» не назовешь.

Никаких гражданских прав и свобод, ничего человеческого в политике узбекских национал-капиталистов никогда не было. Их стремления и дела не получили своего выражения в лозунгах, как это было в гитлеровской Германии. Но от этого они не являются меньшим злом.

Привожу здесь неофициальные, но реализуемые на практике лозунги:

«Узбекистан для узбеков!»

«Все граждане Узбекистана – его рабы!»

«Все национальные меньшинства – вон из страны!»

«Рабство или смерть!»

За двадцать пять лет было изгнано или истреблено почти всё русскоязычное население, а это почти три миллиона человек!

Россия, ООН и «Мировое сообщество» на это никак не отреагировали. За гонения на евреев гитлеровцы получили Нюрнбергский трибунал. За истребление россиян узбекских фашистов никто так и не осудил.

Моя жалоба в Комитет по правам человека ООН осталась без внимания.

В интернете есть множество материалов, где описаны зверства каримовцев, но это не привело к Трибуналу, подобного Нюрнбергскому, который за основу своих обвинений взял дневник подростка – Анны Франк.

В Узбекистане добывают газ и хлопок; золото, серебро и другие редкие металлы. Но знать, кому принадлежат природные богатства, не должен никто! Вероятно, что прибыль от торговли природными ресурсами имеют влиятельные капиталисты мирового уровня, поэтому узбекам позволяют безнаказанно гнать и истреблять несчастных россиян.

Видимо, россияне Узбекистана не так нужны «Мировому сообществу» как национальные меньшинства Германии 30-х и 40-х г.г. 20-го века, поэтому о наших страданиях никто и не говорит.

Задачей книги является улучшение положения прав христиан Узбекистана, России и СНГ.

При ликвидации СССР меня и многих других полноправных граждан Советского союза лишили страны и гражданства, их законных прав и свобод. В особенности это касается тех, кто проживал, в российских колониях, например, как и я сам, в республиках Средней Азии, и в частности, в Узбекистане.

Посчитав, что российские власти поступили несправедливо, я приехал в эту страну и скромно заявил о себе и своих поправных правах.

До этого, немного попрактиковавшись у себя на родине. Продолжив практические занятия по защите своих прав в России, продолжавшиеся два года и ничего не добившись я предъявил иск к ответчице – России в Европейский Суд по Правам Человека.

Добавлю, что ситуация осложнена заболеванием моего позвоночника при отсутствии группы инвалидности. Несмотря на имеющиеся законные основания и попытку её оформить.

Чувство протеста против несправедливости и беззакония, спровоцированное ранее моими недругами в Узбекистане, двигало мной весь период моего пребывания в России (с августа 2002 по июль 2004 года).

После потешных и несправедливых судов в России, я обратился в уже упомянутый Страсбургский Суд.

Я надеялся, что этот суд – «самый справедливый Суд в мире». В своей жалобе я опирался на статьи Европейской Конвенции и ряд российских законов, нарушенных самой Россией, выдворившей меня с территории моей родины – СССР, несмотря на то, что она является его правопреемницей и, несмотря на то, что я так и не отказался от гражданства СССР.

На словах Россия – это страна христианского большинства, но на деле – меня христианина она не приняла. Как татарин я надеялся на Татарстан, но и там меня не приняли. А такой разрекламированный и авторитетный Страсбургский суд отказал мне в рассмотрении моей жалобы, нарушив тем самым Европейскую Конвенцию и обнаружив себя частью этого несовершенного мира, косвенно признав, что даже такой «высокий», будто бы, Суд всё же не может, в принципе, существовать в этом мире. Особенно, после моего дела.

Мой иск был отклонён, но я не считаю себя проигравшим по двум причинам.

Во-первых, потому, что я продолжаю бороться, и эта книга является частью этой борьбы.

Во-вторых, потому, что мне открылось много нового в процессе приобретённого жизненного опыта и личностного роста.

Глава 1. Тотальная дискриминация

Мне было уже больше тридцати лет, когда я начал пытаться защищать свои права в Узбекистане. Сильным толчком, подвигнувшим меня к правозащитной деятельности, стал целый ряд вопиюще несправедливых фактов, нарушающих мои личные права.

Сначала это были мелкие проблемы, и для их решения я оказался в офисе международной правозащитной организации Human Rights Watch (HRW).

Девушка с красивым именем Акейша подарила мне ежегодник HRW, где было несколько статей описывающих дикие безумства узбекских силовиков. Среди них было и письмо Дмитрия Чикунова о том, как его заставили признаться в преступлении под пытками.

Прочитать письмо целиком в интернет можно по ссылке: [битая ссылка] <http://www.hrw.org/legacy/russian/reports/uzbek/2000/dec/apd2.html>

Источник:

официальный сайт Human Rights Watch (HRW)

[битая ссылка] www.hrw.org

Это письмо помогло мне в будущем спастись от сумасшедших и кровожадных злодеев, потому что там была фамилия одного из них – Григорян.

В ноябре 2000 мы с матерью продали небольшую квартиру и приехали к моему отцу, потому что дом у него был просторным, а он сам нуждался в уходе по причине преклонного возраста.

До сентября 2001 всё было нормально: у нас были средства от проданной квартиры и мы не знали никакой нужды. Все прежние годы у нас были проблемы из-за безработицы, узбекского национализма, гонящего всех «неузбеков».

Но 27 сентября отец умер после ампутации части ноги, поражённой гангреной.

Дом отца находился в криминальном Яшнабадском (ранее – Хамзинский) районе Ташкента, где проживал и был задержан российский мученик Дмитрий Чикунов.

На улице проживает множество опустившихся люмпенов, страдающих алкоголизмом и живущих криминальными инстинктами. Один из таких вот обитателей этого квартала жил за забором. Вся их многодетная и бедная семья не могла смириться с нашим временным благополучием.

Уже в октябре начались первые провокации. Наши криминальные соседи нашли причину для скандала с оскорблениями и нецензурной бранью. Я написал заявление в милицию. Ко мне домой пришли аж три мента! Это были Курбанов, Элабаев и тот самый Григорян! Это не мог быть другой Григорян, потому что мент армянской национальности для Узбекистана – вообще редкость, а однофамилец в одном и том же районе – абсолютное исключение. К тому же от этих троих хищников просто воняло кровью и смертью!

Они осмотрели мой дом, зайдя во все комнаты, и разузнав, где я сплю. Потом ушли.

Никакого дела заведено не было.

Через пару недель, 9 ноября, в окно моей спальни среди ночи влетел строительный кирпич, разбил стекло и громко ударился о решётку!

Грохот как от атомной бомбы! – первая мысль при пробуждении, потому что американцы уже собрались бомбить Афганистан после терактов 11 сентября. Я испытал сильный шок.

В эти дни я узнал, что такое «математика хищников».

Люмпен Гена (криминальный сосед) разбил окно в ночь на субботу. В субботу, 10 ноября, милиция отдыхает, потому что это их профессиональный праздник. И поэтому моё заявление, которое я отвёз в само Министерство внутренних дел, было принято с большой неохотой. Только моя настойчивость была сильнее!

В Министерство я обратился, потому что районной милиции я уже не доверял. Тогда я ещё был наивен и не знал, что между уголовниками и ментами Узбекистана нет никакой разницы, и что все подобные провокации разрабатываются теми же хищниками, которые управляют страной.

Никакой реакции из МВД – даже письма не было!

Я ждал, когда приедет следователь, чтобы осмотреть разбитое окно, поэтому кирпич до сих пор лежит на раме окна. Но так никто и не приехал!

5-го января 2002 – новая провокация. Гена ломает наш общий забор и ждёт моей реакции. Я подхожу и осматриваю место пролома. За забором стоит Гена, его жена и их дети. Все они громко кричат и матерятся. Я молча ухожу и звоню в милицию. Через час приезжают Элабаев с Курбановым. Они отвозят меня и дебошира в РОВД и... сажают в общую камеру!

В коридоре я успеваю заметить зловещую фигуру с пудовыми кулаками. Предполагаю, что это был один из рабов системы, призванный запугивать и убивать всех жертв режима. Их набирают из преступников, о которых рассказал один из них – Дядя Шурян (Александр Рахманов).

Публикация информационным агентством «Фергана» и газетой «Мегаполис» исповеди «Раскаяние палача» Александра Рахманова вызвала бурную реакцию в Алма-Ате в начале 2006 года.

Прочитать статьи можно на сайте информационного агентства «Фергана»:

Источник:

[битая ссылка] www.fergananews.com/articles/7167

[битая ссылка] www.fergananews.com/articles/7157

Утром отпустили сначала дебошира, а потом и меня.

Я понял, что меня отпускать не хотели, а собирались поступить как и с Дмитрием Чикуновым. Соседи выступили лишь как провокаторы и сообщники ментов. А те планировали состряпать уголовное дело, чтобы потом забрать дом, доставшийся мне в наследство. Для этого можно было попытаться меня в застенках, чтобы я подписал – либо самооговор, либо дарственную на их человека. Это обычная практика для Узбекистана.

Когда после многочисленных звонков в милицию, никто не приехал, я позвонил дежурному прокурору города. И именно этот предусмотрительный шаг заставил каримовских уродов отпустить меня из своих челюстей, то есть из Хамзинского РОВД г. Ташкента.

Вплоть до продажи дома в июне 2002 были самые разные провокации и грубые акции оскорблений. Нам били окна, проломили шиферную крышу, материли последними словами многочисленные дружки наших соседей. Но мы могли только терпеть.

В июне мы очень дешево продали дом, чтобы бежать от этого доисторического беззакония.

Но уже другие испытания ждали нас впереди.

На время, пока мы присматривали себе недорогую квартиру в более безопасном месте, я попросил свою бывшую жену, Валентину, пустить нас с матерью в свою квартиру. Оплату мы дали ей вперёд.

Прошло две недели. Мы с матерью решили, что я куплю ей однокомнатную квартиру, а сам поеду в Россию. Найдя подходящий вариант, мы вышли для поездки к нотариусу, чтобы

оформить куплю-продажу. Но уже в подъезде Валя подняла шум, крича во всё горло, что её ограбили. Тут же появилась жена домкома, проживавшая в этом же подъезде, и стала меня в чем-то обвинять.

На улице уже стояли работники махаллинского (квартирного) комитета – МК – и всеми силами пытались помочь Вале отобрать сумку с деньгами от проданного дома, которую моя 70-летняя мама так и не отдала. Я хотел помешать этому грабежу, но соучастники преступления – работники МК – представители местной власти очень старательно удерживали меня.

Откуда ни возьмись, появился участковый милиционер. Это был уже другой район — Мирзо-Улугбекский, но менты здесь – такие же уголовники, как и во всём Узбекистане. Добавлю, что раньше мне мои дети, которых мы родили с Вале, уже рассказывали, что сотрудник Махаллинского комитета Бердикул приходил к ней и пил с ней вино. Теперь он был её главным помощником в попытке грабежа.

Вся эта уголовная шушера – участковый и работники махалли – требовала от нас, чтобы мы отдали Вале часть наших денег. Но мы им не дали ни гроша! Я при них позвонил знакомой правозащитнице и весь их боевой дух куда-то испарился!

Им пришлось нас отпустить.

В тот же день мы купили квартиру.

Потом написали заявление о попытке грабежа и требовании вернуть наши вещи, которые Валя оставила у себя. Но заявление осталось без ответа, а вещи достались воровке.

На новую квартиру ещё два приходили участковые, уже другие, и пытались затаскать меня в свой участок, но я требовал повестку, поскольку знал, что люди очень часто оттуда никогда не возвращаются. Опасаясь новых сценариев по экспроприации оставшихся у меня денег, я положил их в банк, на счёт своей матери и с небольшой суммой направился в сторону границы с Казахстаном.

Мне ничего не оставалось, как бежать в Казахстан. Это было 13-го августа 2002 г...

Глава 2. За правдой в Страсбург...

Алма-Ата

С помощью приграничных контрабандистов оказался на территории Казахстана. Эти самые «помощники» провели меня мимо сидящего на стуле казахского милиционера. Он проверил мой документ. Сразу же обнаружил тайник с сотней долларов, но вернул их тут же.

Далее он предложил своему младшему коллеге проверить меня в участке.

Пришлось показать содержимое моей небольшой сумки. Ничего запрещённого там не было и милиционер, просто так, предложил оставить «немного деньжат». У меня оставалось немного узбекских сумов, и я положил их на стол. По курсу тогда это было около пяти долларов. Ему показалось мало, и уже по опыту видел, что он

пытается нарушить закон по статье «вымогательство». Имея некоторые навыки защиты, сказал, что мне известно о подписании Казахстаном Конвенции 1951 года по беженцам, и я прошу у него, как приграничного служащего помочь мне настолько, насколько он уполномочен действовать в подобной ситуации. Он пробормотал, что я «свой человек» и отпустил на все четыре стороны, но денег не отдал.

Через час-полтора я уже был в Чимкенте. На вокзале ко мне подошёл некто и назвался проводником поезда до Алма-Аты. Он предложил не покупать билета и за меньшую сумму помочь доехать до Южной столицы. Он показал мне удостоверение, так как он был похож на проводника, я дал ему требуемую сумму, хотя до отхода поезда было ещё с полдня. Проголодавшись, я зашёл поесть пирожков в маленькую столовую, здесь ко мне подсадили трое молодых людей. Представились проводниками поезда до Алма-Аты, хотя на лбу было написано «мошенники», предложили дать им денег за место в поезде. Показали сомнительного вида удостоверение. Кое-как от них отвязался. В назначенное время с настоящим проводником отправляемся к Алма-Аты.

Маленькое отступление. События происходили 13 августа 2002 года, а 3-го мая, когда мои нервы не выдержали, ещё до продажи дома, почти без денег я уже бегал в Чимкент и просил убежища, но местные чиновники из службы миграции предъявили столько невыполнимых требований (родственные связи в Чимкенте и т.д.), что я в тот же день вернулся в Ташкент. Мне это показалось лучше, чем жить на вокзале. И по этой причине Казахстан не очень-то привлекал меня как страна для убежища.

В Алма-Аты я находился только сутки. Потом была дорога на Астану. А оттуда на Кустанай. Мне с моим видом на жительство для лиц без гражданства в Узбекистане на территории Казахстана не продавали билет в кассах вокзала и приходилось договариваться с проводниками.

Приятная проводница – добрая русская женщина согласилась в своём купе довезти до Кустаная, и когда по составу ходили люди в погонах, проверяя документы, я спокойно спал. Мои документы были «не совсем в порядке», поэтому расположение ко мне проводницы было очень полезно. Вообще-то если смотреть объективно, то с того момента, как меня «разбудили», и до сего дня мне пришлось так много пройти, что только способствовало моей эволюции и повышению самообразования. Чтобы договариваться с незнакомыми людьми приходилось приобретать навыки дипломатии. Чтобы защищать свои права надо было изучать разные законы и Конвенции. А чтобы прожить на скудные средства беженца учиться экономить и питаться для подкрепления, а не ради удовольствия.

Из Кустаная до приграничного Троицка можно было доехать автобусом, а на автостанции за 10 долларов мне предложили доехать до Челябинска, на что я и согласился.

На границе с Россией, дабы не искушать судьбу, я сошёл с машины и в обход Таможенного контроля, перейдя вброд маленькую речку, стал ждать своих попутчиков уже с российской стороны.

Когда мы приехали в Челябинск, была суббота, 17 августа 2002 года.

Я так натерпелся на родине, что мне даже в путинской России дышалось свободно и легко. Да и Путин тогда только, только привыкал быть президентом, и многие россияне очарованные тогда его патриотическими высказываниями не заметили, как их опять потихоньку загнали в рамки привычной советской системы.

Челябинск

Если при отъезде из Ташкента я изнывал от жары в 40 – 43 градуса и уезжал на север в надежде на более мягкий климат, то по прибытии в Челябинск слегка озяб. На Урале уже в августе наступает осень, к тому же в тот год лето выдалось прохладное. Но это были мелочи по сравнению с обретенной свободой.

Есть такое выражение «птичьи права», наверное, так можно было определить моё тогдашнее положение. Статуса и прав никаких, зато свободен, словно птица. Никто не достаёт. Ни опустившиеся люмпены, ни обнаглевшие менты. Но и права тоже – как у птички.

Что ни говори, а в российской действительности человека ценят гораздо больше, чем в Узбекистане. Потому наверное, что несмотря на коммунистическое наследие, христианские ценности всё ещё присутствуют в России. А может быть, мне так показалось, потому что я этнический россиянин и попал к своим. Ведь если лиц с европейской внешностью не жалуют в Азии, то в России всё наоборот.

Через два дня, в понедельник, чтобы не пропустить сроки спешу в Миграционную службу по Челябинску.

Там заполняю нужные бумаги и по их предложению ожидаю ответа. Ждать надо целый месяц.

Никакой помощи с их стороны не предвидится, а мои личные средства на исходе.

В свободное время искал более дешёвое жильё, где-нибудь на квартире. Обратился к посредникам. На вид – солидная контора. Они мне дали несколько адресов, а там и цены выше указанных и мест тоже нет.

Приезжаю в контору и говорю: «Я вам дал 300 рублей, услуга оказалась несоответствующей, цена выше договорной, прошу вернуть деньги». Они и слушать не хотят, квитанцию взяли и не думают возвращать, окно закрыли, чтобы не видеть меня.

В Ташкенте на эти деньги я мог бы жить две недели, здесь же у меня их изъяли за несколько минут. Практически безвозмездно.

Я настолько опьянел от свалившейся на меня свободы, что начал забывать некоторые заповеди, которым был научен в Церкви за семь последних лет. Поселившись в недорогой гостинице и познакомившись с её постояльцами, я и не заметил, как стал приобретать их привычки. Вино, водка, а потом и «девочки»...

Деньги таяли и пришлось обращаться к маме домой. Добрая мама выслала мне двести долларов, которые я ранее предусмотрительно положил в банк, на её имя.

При прогулках по городу как-то набрёл на татарский культурный центр. Познакомился с людьми, город ведь незнакомый, а мне надо устраиваться, в гостинице долго не проживёшь. Вскоре, когда последовали наказания за легкомыслие, мне это знакомство с челябинскими татарами очень пригодилось. Имея некоторый опыт веры, знания о том, что такое грех, опыт его совершения и опыт получения наказания,

могу свидетельствовать, что наказания за грехи наступают неотвратимо и порой бывает ой как больно их переносить.

Мы вышли на привокзальную площадь за тем, чтобы прикупить спиртного. Киоски там работают круглосуточно, а нам, как это бывает, «не хватило». Ещё не успели ничего купить, как вдруг из темноты появились милиционеры на своём «бобике». Уверенно принимаю их предложение пройти на минутку в машину «для проверки». Уверенность базировалась на убеждении: «уж в России-то милиция не такая как у нас», что они цивилизованные, культурные. И Конвенцию по беженцам Россия подписала, не станут обижать беженца.

Информация о России до моего приезда была самая положительная.

Однако в действительности всё выглядело по-другому. Убежал я от одних «оборотней в погонах», а здесь другие встретились. Проверили мои документы, обнаружили мою заначку в 100 долларов, заговорили зубы и вернули документ. И заначку, будто бы тоже. Когда же я вышел из машины, то они как-то подозрительно быстро дали по газам. Я заглянул в документ, а там вместо сотни только один доллар. Посмотрел вслед, чтобы номер запомнить, но было темно, и ребята оказались шустрые, номер разглядеть уже не удалось.

Наутро в кармане столько денег, что хватило только на одни сутки проживания в гостинице.

Так я оказался один-на-один со своими проблемами в чужом и не приветливом городе.

Моё обращение в Службу внутренней безопасности при Челябинском ОВД не дало результатов. Мне показали картотеку сотрудников милиции, но вороватых сотрудников милиции я не нашёл. Или не было их там.

Идти жить на вокзал не хотелось, и я пошёл в татарский культурный центр, рассказал о своих трудностях. Спасибо им: приняли, целую неделю жил у них.

Ещё нашёл по справочнику номер телефона местных баптистов, потом встретился с ними. Они мне собрали пакет продуктов, накормили, спасибо им тоже. У них было светло и красиво. После недавних загулов в гостинице разница миров была явной. Так по крупицам я начинал любить мир Христа.

Всё полнее мне открывалось Евангелие, и в моём настоящем притча о блудном сыне стала понятнее и ближе, чем прежде. Сравнивая личный опыт с Благой вестью, можно понять куда больше, чем сидя дома на печи.

Кроме того, имея немного знаний о том, как люди защищают свои права в демократических странах, я встретился с журналистами в надежде, что публикации в прессе повлияют на предоставление мне статуса беженца или хоть как-то заставят местные власти обратить внимание на живого человека. Статьи вышли в двух газетах. В «Вечернем Челябинске» 9-го сентября 2002 года была опубликована заметка написанная Денисом Лузиным. А в «Аргументах и фактах – Челябинск» 11-го сентября напечатали статью Эльдара Гизатуллина под названием «Долгий путь в Европу». К сожалению, это не повлияло на изменение моего положения. В предоставлении статуса мне было отказано, а в Мэрии города мне так и не оказали материальную помощь по каким-то бюрократическим причинам.

Пришлось просить разрешения у своих новых знакомых из культурного центра на звонок с их телефона домой в Ташкент. И просить помощи у матери. После того как я походил неделю без средств, её перевод по Вестерн Юнион был мне очень кстати. Теперь мои устремления были обращены в сторону Татарстана. Я ещё не знал о том, какие сложные отношения сложились у татар-мусульман и татар-христиан Татарии. Мне представлялось, что найти общий язык будет так же легко, как и с татарами в Челябинске. Я верил в лучшее с оптимизмом.

На автостанции в Челябинске я договорился с водителем автобуса довезти меня до Екатеринбурга за взаимовыгодную плату. А из Екатеринбурга поездом доехал до Агрыза, городка на севере Татарстана. Агрыз был уже мне знаком. В 1992 году мы с бывшей женой останавливались там на несколько дней. Предположительно, в этом городе, в гостинице был зачат наш сын Эрнст. До того жена не беременела и в первом браке, и со мной тоже в течение года. В памяти были приятные воспоминания, и я сошёл с поезда в надежде ещё раз попытать в нем счастья.

Набрёл на городской центр пчеловодов, познакомился с его председателем. Спрашиваю: «Можно ли мне познакомиться с каким-нибудь пасечником и поработать у него учеником». Он ответил, что сначала надо зарегистрироваться и позвонил в районную милицию. Лысый милиционер с шишковатой головой нагрубил мне и приказал «убираться из его района». Как я предполагаю, причиной его грубости было недавнее убийство Главы Агрызского

района, о чём я случайно прочёл в газете. Опять спугнули птичку, пришлось ехать дальше, теперь уже в Казань.

Казань

13 сентября. Прошел месяц со дня отъезда из Ташкента. В Казани я бывал и раньше, в том же 92-м. Сейчас, после нелёгкого месяца в роли фактического беженца, проведённого в негостеприимном Челябинске, этот город был новой опорой моих надежд. Редактор татарской газеты Челябинска была в Казани в конце августа на Всемирном конгрессе татар и говорила много восторженного, как о Конгрессе, так и о том, что татары в Казани очень сплочённый народ и не оставят меня «на произвол судьбы».

Устроился в гостинице. Опять деньги тают, как пена на Волге. Опять ищу: с кем бы познакомиться. Надежды на Миграционную службу мало. Знаю ведь по опыту – кто там работает. Такие же чиновники, как и в казахском Чимкенте или в российском Челябинске. Ещё при Сталине было такое выражение «враги народа», за два года, проведённые мной в России, в самых разных городах, я встречал самых разных бюрократов. И они относились ко мне, как самые настоящие враги. Им (практически всем) было на меня «глубоко наплевать».

В Библии люди, так относящиеся к нуждающимся, названы «козлами». В этот мой приезд в Россию «козлов» было побольше, чем «овец». При Ельцине я приезжал в Россию в 1994 году, тогда «овец» было больше, добрее были и люди и чиновники. В Миграционной службе Татарстана человеконенавистников было, по-моему, больше, чем где-либо. И надо же, как назло Москва (а кто же ещё) поставила руководителем кряшена («кряшены» – это насильственно крещённые при Иване Грозном татары). Номинально они христиане, имеют русские имена, но во мне – носителе татарского имени и по причине генетической неприязни, увидели неприятеля и не оказали помощи, а только писали издевательские отписки. Однако я не в обиде – они же проводники политики Кремля, что с них взять.

Ещё в Ташкенте я часто слушал разные «голоса», знал, что в Казани есть татарская служба радио «Свобода» – «Азатлык» и, причисляя себя к правозащитникам, думал, что буду интересен им. Поэтому сразу же, в первые дни, нашёл их офис с целью познакомиться с журналистами этого радио. Мои надежды частично оправдались. Для меня нашли место на даче, где я жил целый месяц. Бесплатно! Ел яблоки, дышал свежим воздухом, отдыхал после «перелёта» из Азии в Европу.

Новые мои знакомые причисляли себя к татарским националистам и конечно же были мусульмане. По-доброму они мне советовали не афишировать, что я христианин, но я помнил из Писания, что «стесняться Христа» не следует. К тому же не знал о натянутых отношениях татар и кряшенов. Терпения моих благодетелей хватило на один месяц ровно. Они меня автоматически причислили к кряшенам, а значит, к чужим. На даче я прожил с 20-го сентября по 20-е октября. Потом был вокзал. Встретившись с ненавистью без причины от тех, кого я считал и друзьями и даже братьями, я понял, что надо от них держаться подальше, что не они мои братья, а те, кто, как сказал Иисус, исполняет волю Отца Небесного. И я пошёл к братьям-баптистам в их дом молитвы и очень просил пастора как-нибудь помочь мне. Рассказал, как холодно на вокзале, как гоняли милиционеры, и что в последнюю ночь мне даже присесть не дали, что так и не дали поспать ни минуты. Суровое это место – Россия.

Я пришёл к ним второй раз и на этот раз пресвитер Геннадий Дмитриевич повёз меня в свой посёлок «Обсерватория», находящийся в пригороде Казани. Рядом с его домом в здании барака расположился «Христианский реабилитационный центр», где Геннадий был руководителем. Так я вошёл в новый мир. Мир христиан Казани.

Жизненный опыт – хороший учитель. Вот попал я в этот центр и вспомнил, что «Бог поругаем не бывает». Что сеял я в последнее время, то и пожинал. Придя в Ташкентскую церковь, многое видел в искажённом виде. Не имея опыта веры и не умея ещё контроли-

ровать свои мысли и соотносить их с Евангелием, я смотрел критически на многих верующих. Эти ухоженные и аккуратные люди иногда казались мне «тепличными», не знающими жизни, теоретическими христианами. Забывая о том, что не следует особо обращать внимание на «сучёк в глазу брата», по инерции давал волю своим мыслям, мыслям ещё недавно, неверующего человека. И вот, в Казани, я попал в такое место, где были такие же, как и я сам. Назывался христианином, а жил по своим похотям. Сам себя обманывал и позволял себе грешить и лукавить, находя в Библии что-нибудь для своего оправдания. Совсем как Пиноккио, который из-за легкомыслия и безалаберности оказался среди заколдованных ослов, потерявших человеческий облик и пригодных только для тяжёлой работы «на хозяина».

В этом реабилитационном центре можно было встретить, так похожих на меня двоичников христианства, говоривших много о своём учении, но живущих по своим прежним привычкам. Тогда и ещё в нескольких случаях потом я стал примечать, что время от времени мне приходилось попадать в такие компании, где люди имели такие же особенности характера и ума, какие были и у меня самого. Будто бы попадал в комнату кривых зеркал и мои пороки, даже более ярко выраженные, порой, чем у меня самого, можно было наблюдать у моих часто меняющихся, в последнее время, новых знакомых. Часто я получал уроки наказания уже в день совершения своих ошибок и отступлений от Писания. И часто это совпадало с выражением «посеешь ветер – пожнёшь бурю». Так и учился ходить «узкими путями», когда шаг влево и шаг вправо наказывались незамедлительно. Таким образом стал понемногу осознавать, что важно не просто исповедовать, а строго и неукоснительно следовать заповедям, как например, соблюдать технологию строительства и обслуживания самолёта, и что, лучше «строить дом на камне», в противном случае – «падение будет великим».

Как осень, так и наступившая зима были холодными. Уже в начале декабря мороз окреп до – 30, в комнате, где мы жили с Хабибуллой (он тоже убежал из Узбекистана), ведро под умывальником промерзло насквозь и выбивать из него лёд было порой не так то просто. В первое время нас, как обитателей Центра реабилитации подкармливали, но потом приходилось самим искать способы выживать. Одним из таких способов была жёсткая экономия, когда мы учились жить по средствам и «протягивать ножки по одежке». Учитывая возраст (почти 40) и состояние здоровья, найти работу было очень сложно. За разрешение проживать при Центре мне надо было чистить от снега прилегающую территорию. Иногда я помогал чистить от снега и двор Дома молитвы в Казани. И в благодарность за это иногда меня поддерживали в церкви питанием. В Дом молитвы мы ездили дважды в неделю на электричке, по средам и пятницам, а ещё по праздникам. Для меня это был период духовного восстановления, то бишь реабилитации. Летом я грешил по плоти, а зимой был по плоти наказан.

Кроме постоянного недоедания прихватило спину. Сразу и радикулит и грыжа в поясничном отделе позвоночника. Моя лёгкая одежда и холодная зима ухудшили моё самочувствие, походка искривилась, но в церковь я старался ходить регулярно. Подвижный образ жизни и постоянное посещение богослужений понемногу восстановили моё здоровье. И духовно и физически я стал приходить в норму. Без врачей и лекарств, лишь верою единой. Кроме этого, ограничение в средствах помогло мне понять, что для питания, теоретически может хватить даже 10 рублей в месяц (30 центов). На них можно купить от 3-х до 5-ти килограммов пшеницы, прорастить их и получить до 10 килограммов полноценного питания. Этого вполне может хватить на месяц. При отсутствии больших нагрузок так можно дожить до лучших времён. И лучше для человека, когда он ест не для удовольствия и пресыщения, а для подкрепления. Тогда и голова работает хорошо и Евангелие в памяти прочнее удерживать. И жизнь строить по Писанию, а не по своим прежним привычкам и воспитанию. Добавлю, что моему новому образу мышления способствовало также полное воздержание от спиртного и женщин. Иногда бедность бывает только во благо. Многие ложные стереотипы отлетают как изгарь серебра. Как плевелы. Как ненужный мусор. Я убеждён,

что только так, будучи очищенным Словом Истины и можно обрести чистоту мышления. Не какими-то продуктами и медикаментами, а именно со Христом только и можно обрести чистый разум. Не хочу сказать, что достиг каких-то больших духовных высот, но могу сказать, что этот путь правильный.

Из важных событий за время моего пребывания в Казани можно вспомнить объявленную мной голодовку.

Я объявил её проведение в здании Фонда помощи беженцам. Это была чуть ли не единственная их помощь мне как беженцу – предоставление помещения для голодовки. Эту акцию осветили в СМИ Казани. Приезжали и делали съёмки три телеканала и одна газета (Вечерняя Казань, 22 октября 2002 года) в статье Валентины Пахомовой: «А не отправить ли беженцев на луну?».

Ещё в одной газете – «Новая вечерка» 19 марта вышла статья о моём положении, с моим заявлением к главе Татарстана, где я его спрашивал: «Почему он не может решить такой простой вопрос, как помощь беженцу-татарину в получении статуса на территории Татарстана». Редакция поместила статью на первой полосе, разместив наши с Шаймиевым фотографии в один ряд. Ответа на вопрос я так и не получил.

Несмотря на разные ситуации и отношения с верующими, всё же это те люди, с которыми было лучше, чем с кем-то ещё. Были на пути и высокопоставленные и образованные, но приятные впечатления о себе оставили более всего верующие христиане.

Как в Казани так и в других городах России за те два года, что я там пребывал. Ещё один эпизод. Когда меня к себе домой пригласил земляк из Ташкента – Абдулла, он работал в Фонде помощи беженцам и, решив проявить доброту, разрешил мне у него пожить. После вокзала и холодного помещения Центра по реабилитации свой дом с участком, домашняя еда и аромат цветущего лимона в комнате, кстати, очень приятный оказывается запах, были для меня хорошей передышкой в суровых буднях на чужбине. Хотя и недолго я прожил у него, всего дня три, а вспоминается с теплотой.

Москва

Так прошло около полугода. В середине марта 2003 года я подумал, что уже весна и можно ехать в Москву.

На электричках и пригородных поездах, конечно же, опять без денег, через сутки с половиной доехал до Столицы России. С новыми надеждами, набравшись сил в Казани, реабилитировавшись, так сказать. В Москве до весны ещё надо было подождать. Это в Ташкенте в такое время уже урюк цветёт, а в Москве холода были ещё долго, до самой середины апреля, до того времени пока я в ней находился.

Первые дни ночевал на вокзале. И холодно, и милиция опять же не даёт покоя. А им, наверно для стимулирования их службы, спокойно позволяет вымогать у приезжих сто-рублёвки, совершенно безнаказанно позволяет игнорировать права беженцев и бездомных. Сложно быть беженцем в России. Опять и недосыпания и недоедание. Всё это сильно изматывает. Человек теряет способность нормально мыслить. Дичает.

Вспомнил, что раньше я был правозащитником, нашёл в Москве правозащитную организацию «Гражданское содействие». Они как могут помогают беженцам. И консультациями, и помощь гуманитарную предоставляют, нужную информацию могут дать.

Они же мне дали письмо в «Социальную гостиницу», с просьбой: разместить меня у них. Там меня приняли и продержали около месяца. Давали еду, чистую постель, был там и душ.

Днём я ходил по Посольствам самых разных «христианских стран» с просьбой об убежище. Никто не ответил мне согласием. Так же искал работу, но тоже ничего с этим не вышло. Разыскал баптистскую церковь, но там за последнее время было столько переселенцев-баптистов, что как-либо существенно мне помочь они не смогли. Надежды таяли, отчаяние и усталость росли. Надо всё же отметить, что при всех этих земных трудностях, моя вера только росла. Много, много раз, когда я верой молился – находилась и еда и деньги и ночлег. Всё было как бы случайно, но я знаю по своему опыту, что если быть пессимистом и не верить в чудо, то оно и не происходит.

Что это за гостиница такая, где меня держали бесплатно, да ещё и кормили? Это одна из шести социальных гостиниц Москвы, предназначенных для бездомных уроженцев Москвы и области. Многие только что освободились из мест заключения и их внутренний мир ещё не сильно переменился. Вот в таких местах мне и приходилось останавливаться. А выбирать было не из чего. Обращался раза три и в Московское отделение Управления Верховного Комиссара по беженцам ООН, так там даже хлебом не поддерживали, не то что бы дать мне убежище. Если в Ташкенте, в Посольствах и УВКБ мне говорили, что для получения убежища надо сначала убежать в другую страну, то в Москве мне говорили другие отговорки.

В числе прочих было и посольство Великобритании. Когда я пришёл к ним с просьбой об убежище, то сотрудники посольства даже не стали говорить со мной. Стоявшие рядом на посту российские милиционеры потребовали у меня показать им документы, а потом вызвали своих коллег из ОВД «Арбат». Через час те явились и проводили меня в свой «обезьянник» временного задержания. Составили протокол, и после этого отпустили.

Не получив в Москве работы и убежища в посольствах я принимаю решение бежать дальше.

В направлении Петербурга, а там как получится. Может, получится перейти границу с Финляндией. 17-го апреля с Ленинградского вокзала на электричке добрался до Твери. Потом были другие поезда, и примерно через сутки я был в Санкт-Петербурге.

Региональной общественной благотворительной организацией помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие» было направлено письмо в гостиницу «Люблино» с просьбой приютить меня на зиму. Отказали.

Далее последовало моё задержание у Посольства Великобритании по причине нахождения в Москве без регистрации.

Моё заявление на имя Руководителя Представительства УВКБ ООН в России

По причинам, дающим право называться беженцем, согласно Конвенции 1951 года, 13.08.02 я бежал из Узбекистана. 17.08.02 г. я был в Челябинске, 19.08.02 я попросил убежища. 09.09.02 г. от Челябинского УДМ МВД я получил отказ. С того времени и по сей день я без денег, жилья, работы как БОМЖ нахожусь в России. В марте-апреле 2003 года дважды я обращался в офис УВКБ ООН при здании Театра мимики и жеста. В третий раз я обращался туда же в декабре 2003 года. Сотрудница офиса – всегда одна и та же женщина лет 50, азиатского происхождения, отказавшаяся назвать своё имя, назвавшись секретарём, на мои просьбы о помощи отвечала, что в УВКБ не занимаются оказанием помощи гражданам СНГ.

А просил я хоть чего-нибудь. Не говоря о статусе, любой вид помощи: еду или одежду.

Теперь прошу у Вас: помочь мне получить статус беженца. Или более вразумительно объяснить причину отказа.

И прошу не медлить. Верховный суд Татарстана решение районного суда о моём выдворении оставил без изменения.

24.02.04

Кушаев А. Т.

Ответ на это заявление к Представителю УВКБ ООН я так и не получил.

Когда я посещал эту контору, а было это трижды, то с удивлением заметил: как хорошо там принимают беженцев из азиатских и африканских стран. Граждан из стран СНГ там мне не встретилось. А отношение ко мне дало мне повод думать, что мы на счету ООН как люди второго сорта.

Ранее я обращался в Представительство УВКБ в Ташкенте и там было такое же наплевательское отношение.

Однажды там был такой случай. Когда я пришёл к ним во второй или третий раз. Сотрудник этой организации – хромой афганец – обратился к охране с такими словами: «Этот дурак так мне надоел, вызови наряд милиции».

На этот раз пришлось бежать от этих странных «помощников» беженцам.

Правозащитники из Ташкента не раз устраивали пикеты у Представительства ООН в Узбекистане за их бездеятельную деятельность в Узбекистане.

Или ещё один момент. В мае 2002 года я договорился с работниками Представительства ООН о том, что они помогут мне переслать жалобу в Комитет по правам человека в Женеву, а в 2005 г. выяснилось, что они ничего не отправили. Я попросил их вернуть мои документы, они же мне отказали.

Потом пришлось договариваться об отправлении в Женеву другого уже дела со Швейцарским Посольством. На этот раз всё было нормально. Но в Женеве не приняли моей жалобы, просто прислав отписку в стиле узбекских и российских чиновников.

И зачем нужна эта ООН, если они не работают? Пора уже создавать что-то более эффективное.

Санкт-Петербург

«Язык до Киева доведёт», говорит пословица, таким же способом я нашёл дорогу к Армии Спасения – гуманитарной миссии Католической Церкви. Миссия была закрыта, но у одной из находившихся там женщин удалось получить один адресок. Она мне рассказала, как можно доехать до Успенского Собора и сказала, что там и жильё дают и кормят три раза в день.

Да, в Петербурге мне повезло с первого дня, ни разу я не ночевал там на вокзале. По её описанию я легко нашёл Собор, встретил одного из служителей, он меня выслушал, дал несколько пачек чипсов и другой еды. Алексей, так его звали, предложил мне одну ночь переночевать в подъезде, а наутро он договорился с настоятелем и мне разрешили поселиться в одной из комнат общежития, находившегося при Соборе. Коек в комнате было около пяти – шести. Плюс ванна и туалет. Все постояльцы православные верующие. Культурные горожане. В столовой трёхразовое питание. Было время предпасхального поста, но несмотря на это, питание было хорошим. Для меня, и без поста являющимся вегетарианцем, каждый день был как праздник. На столе было непривычное для меня, даже дома, изобилие и разнообразие блюд. Дали мне и одежды и обувь секонд-хенд для работы во дворе храма.

Ещё до того, как в 1995-м я крестился в Баптистской церкви, в 1990-м я был крещён в Православной церкви, поэтому у меня не было больших угрызений совести по поводу принятия приюта у православных. Мне хватило опыта ночёвок на вокзалах Москвы и Казани, и мне это не очень понравилось. С гуманитарной помощью в Петербурге было лучше чем в других городах России. Мне здесь сразу понравилось. Работы в храме было много, но всё это «оплачивалось» едой и местом в общежитии, я же хотел ещё и денег заработать. По прошествии одной недели через какую-то организацию для беженцев нашёл информацию о работе в Центральном парке, где надо было охранять пивной шатёр. Договорились с владельцем кафе за 150 рублей за ночь, и так, после восьми месяцев моих приключений в России я нашёл первую хорошо оплачиваемую работу, с нормальными для меня условиями. Вскоре появились первые обновки. На моём столе были и фрукты и молоко и куриные окорочка и прочие вкусные продукты.

Так прошло около трёх недель. Жил я в парке среди красивых многолетних деревьев, на берегу Невы (одного из её рукавов) и радовался от осознания того, что после таких сложных испытаний я наконец-то нашёл «свою землю». И не где-нибудь, а в самом Питере. Познакомился с новыми и приятными людьми – городской молодёжью подрабатывавшей в кафе. Уже заметил себе девушку (для возможных серьёзных отношений), стал позволять себе пиво. И это было не совсем правильно, наверное. Рано я радовался – вскоре меня уволили за мои повышенные требования к хозяину. Ну и ладно. Так и так я собирался ехать в Финляндию.

К новым горизонтам

В тот же день отправляюсь в сторону Выборга. Тем более, что и Питерская Служба миграции отказалась мне помочь и вообще, я уже стал привыкать к кочевому образу жизни и мне требовалась смена декораций

По большому счёту, весь наш мир – это сплошная бутафория, разные наборы декораций, состоящих из атомов и молекул и предназначенные лишь для формирования нашей личности. И так как всё это состоит из праха, в который рано или поздно оно и обращается, то, следовательно, не имеет никакой особой ценности. Только Бог-Дух и человек, удостоенный одухотворения свыше, это только и ценно по-настоящему.

Имея большой жизненный опыт и опыт веры осознаю, что действительно, в этом мире всего-то и есть что, «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская».

В тот же день приезжаю в Выборг и навожу справки, где, мол, здесь финская граница и как туда лучше добраться. Оказывается, в ту сторону утром будет электричка Выборг-Лужайка, а там рукой подать до Финляндии. И хотя меня предупреждали, что граница строго охраняется, что не так просто её пересечь, я был полон желания покинуть это недоразумение, этот абсурд – Россию и СНГ. Не думал, что после исчезновения СССР граница такая же мощная. После ночи, проведённой на вокзале Выборга, с оптимизмом сажусь в электричку и айда пошёл к новым берегам, к новым горизонтам в свободную Европу. Через минут десять-пятнадцать в вагоне появляется пограничный контроль, спрашивают документ-основание, дающий право находиться в приграничной зоне. Конечно же, такого права у меня нет и мы, доехав до Лужайки возвращаемся назад в Выборг на этом же поезде. Доблестные пограничники «великой России», нечего сказать, и в России нет житья беженцу и выехать не дают! Ну и ну-у!!! Привезли в Выборг, повезли в воинскую часть, стали расспрашивать, пригрозили, что за переход границы и даже за попытку её перейти можно и срок получить. Через двое суток отпустили, строго приказав ехать обратно – в Москву. Делать нечего, опять через Петербург добираюсь до Первопрестольной.

В Москве я вспомнил как один брат-баптист предлагал помочь деньгами на поездку домой в Ташкент. В ближайшее воскресенье иду в церковь и прошу денег на дорогу. Брат по имени Михаил согласился дать мне 50 долларов в долг. На Казанском вокзале я договорился с проводником бишкекского поезда довезти меня до Чимкента за обоюдовыгодную цену. Через сутки с половиной мы подъехали к российско-казахстанской границе, опять в вагон заходят доблестные пограничники абсурдной страны и так как мои документы им не нравятся они меня ссаживают с поезда и отпускают на все четыре стороны. После отъезда из Ташкента прошло уже 9,5 месяцев, с поезда меня сняли 28 мая 2003 года, и моим приключениям суждено было продлиться ещё на 14 месяцев ровно. Граница находится недалеко от Оренбурга и через час-другой меня можно было встретить в Оренбургской службе по делам миграции. Во время беседы с очередным чиновником пришлось опять выслушать сказку «про белого бычка», он как запрограммированный твердил мне те же слова отказа, что и чиновники других городов, о чём я ему и сообщил. А секретарь руководителя в ответ на мои возмущения о глупости российских чиновников и заявлении об отсутствии у меня денег на питание предложила прийти за ответом через месяц. Делать нечего, я уже стал привыкать выживать в этой загадочной стране. В Оренбурге впервые, знакомых нет, но вот какое-то объявление о предложении работы для переселенцев на приусадебном участке в пригородном доме. Позвонить мне в службу миграции так и не дали. Когда ехал на автобусе в эту сторону, то встретил на остановке вывеску «Дом молитвы для всех народов», такую же, как и в Ташкенте, недалеко от Дома молитвы баптистов Ташкента по улице Панченко и решил к ним зайти на обратном пути. Как только я произнёс слово «беженец», то

сразу же прочёл на лице находившейся там женщины то же выражение недовольства, что и у баптистов Москвы. Понял, что много неустроенных беженцев есть и в Оренбурге.

Политика одного политика из Кремля испытывала на прочность тысячи и тысячи христиан, других этнических россиян, которые ещё 15 лет назад имели такие же права, как и нынешние россияне, и которых их совсем несправедливо и бессовестно лишили.

В церкви был телефон и позвонил по телефону указанному в объявлении о работе, договорился о встрече на следующий день и пошёл дальше в поисках ночлега. Этот дом молитвы я ещё посещал раза два потом.

А сегодня мне надо было найти, где бы переночевать. Совсем скоро возле одного магазина прочёл объявление о сдаче квартиры. В кармане немного ещё шуршало, и поэтому я пошёл по указанному адресу. С бабушкой – хозяйкой мы договорились сразу. Квартира со всеми удобствами мне после дороги была очень даже кстати.

Наступила ночь и вдруг появились двое других квартирантов до этого долго отсутствовавшие. Такое случается.

Идешь бывает по дороге, никого нет. Вот на пути перекрёсток, и на этом перекрёстке встречаются люди, которые идут с четырёх сторон. Остальная часть дорог пуста, а эти четверо не хотят уступать друг другу, – все они куда-то спешат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.